

Аркадий Васильевич Соколов,
д.пед.н., проф.,
Санкт-Петербургский университет культуры и искусств,
sokolov1@front.ru

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ ИНФОРМАТИКИ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ

Доклад на 11-м заседании семинара

«Методологические проблемы наук об информации»

(Санкт-Петербург, СПбГУКИ, 15 марта 2013 г.)

Я занимаюсь осмыслением взаимосвязей между информатикой и библиотековедением более 40 лет, начиная с написанных совместно с А.И. Манкевичем статей «Информатика в перспективе» (13) и «Информатика для библиотекарей» (12) и кончая монографиями «Науки об информации и библиотекарь» (10) и «Философия информации» (11). На моих глазах сменились три этапа в истории взаимоотношений между информатикой и библиотековедением. 1960-е годы – этап автономии, когда информационные службы и библиотеки рассматривались как разные социальные институты, предназначенные для удовлетворения различных потребностей общества. В 1970-е – 80-е годы восторжествовал этап взаимодействия в теории и на практике. Памятником этого времени является учебное пособие «Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа», подготовленное кафедрой информатики нашего вуза (8). Наконец, в наши дни речь идет об интеграции, точнее, информатизации библиотечного дела, библиотечной науки, библиотечного образования. Мы являемся свидетелями экспансии информационного мировоззрения и информационных технологий во все сферы современной цивилизации, включая науку, образование, военное дело, религию.

Не случайно всеобщее признание, в том числе на государственном уровне, получила идея информационного общества.

Информационное общество трактуется как новая и весьма желательная ступень в развитии человеческой цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, созданием глобального информационного пространства, удовлетворением социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах (4, с. 440-441). При этом *информация* понимается, согласно ГОСТ 7.0–99 как «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации». Возникает вопрос: были ли когда-либо в истории человечества общества, которые были бы «неинформационными», где люди не обменивались бы в процессе коммуникации сведениями, отражающими факты материального или духовного мира? Нет, таких обществ не было, ибо социальная коммуникация – извечный спутник человечества. Правда, раньше не было компьютеров и Интернета. Но если только в этом главное отличие общества XXI века, то почему оно называется «информационным», а не «компьютерно-интернетным»?

Ясно, что в информационную эпоху библиотеки должны быть информатизированы и выполнять *информационные функции*, чтобы удовлетворить информационные потребности граждан информационного общества. В Федеральном законе «О библиотечном деле» (1994) библиотека трактуется как «информационное, культурное, образовательное учреждение». Отсюда можно сделать вывод, что культурные и образовательные функции библиотек суть «неинформационные». Но этот вывод неверен, поскольку культурная и образовательная деятельность представляют собой не что иное, как передачу социальной информации, т.е. является информационной деятельностью. Поэтому *всякая библиотека есть информационный центр*, занимающийся исключительно сбором, обработкой, хранением, поиском и распространением информации. К примеру, Русская школьная библиотечная

ассоциация установила, что школьная библиотека призвана выполнять информационную функцию, состоящую в «обеспечении доступа к информации, удовлетворении информационных потребностей учащихся, учителей и других категорий работников общеобразовательных учреждений» (5, с. 8). Более того, скрупулезные исследователи обнаружили информационную функцию в библиотеках Шумера, Древнего Египта и Древней Греции, где она реализовывалась в виде ведения каталогов, подготовки библиографических пособий и справочно-библиографического обслуживания (16). Итак, современная библиотечная теория утверждает, что всякая библиотека, являясь «информационным центром», осуществляет информационное обслуживание (выполняет информационную функцию).

Возникает, однако, недоумение. Если информационная функция испокон века была и до сих пор остается необходимым функциональным свойством всякой библиотеки, то зачем настойчиво планировать *информатизацию* российских библиотек в XXI веке? В официально опубликованной «Концепции развития библиотечного дела в Российской Федерации до 2015 года» утверждается, что «информатизация библиотек является обязательным условием для обеспечения населения современными библиотечными услугами» и в качестве одной из главных проблем, беспокоящих Министерство культуры, названы «недостаточные темпы информатизации российских библиотек». Российская библиотечная ассоциация (РБА) в свою очередь выступила с «Манифестом об информатизации публичных библиотек», где в первых строках говорится: «Информатизация должна быть признана и поддержана всеми органами государственного и местного управления как магистральное направление развития публичных библиотек на современном этапе». Зачем, спрашивается, информатизировать библиотечные учреждения, если они изначально, хотя и по умолчанию, являются информационными центрами?

Если библиотеки изначально были и есть информационные центры, то библиотечно-библиографические науки относятся к циклу информационных

наук, а библиотечную школу следует считать кузницей информационных кадров. Так оно и произошло. Согласно номенклатуре ВАК, специальность «05.25.03 Библиотечное дело, библиотековедение, библиографоведение, книговедение» относится к классу информационных наук, а библиотечные факультеты информатизировались не только по названию, но и по содержанию учебных планов.

Можно ли сделать вывод, что агрессивная информатика уже интегрировала в свой состав библиотековедение и библиотечное дело, как водоем интегрирует капли дождя? От этого вывода меня удерживают два обстоятельства. Во-первых, слишком много информатик, и неизвестно, с какой из них следует интегрироваться библиотековедению. Во-вторых, необходимо уточнить базовое понятие информации, потому что приведенное выше гостовское определение (информация – «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации») непродуктивно. «Сведения» – это знания, а библиотеки имеют дело не только с фактическим знанием, но и с эмоциями, волевыми побуждениями, гипотезами, фантазиями, которые «сведениями» не назовешь. Впрочем, помимо гостовского определения, мы располагаем огромной коллекцией всевозможных определений информации. Приведу несколько примеров.

Александр Николаевич Яковлев, один из прорабов всесоюзной демократической перестройки 1980-х годов, был не только незадачливым политиком, но и широко образованным эрудитом. В одном из сочинений, написанном на склоне лет, он выдвинул тезис: «В основе всего *информация*. Элементарная частица, атом, молекула, нация, общество, человек, страна, мир, Вселенная – это прежде всего *информационные системы*. Информационная система включает в себя и весь дух, и всю материю, известные человеку на сегодняшний день. И все это называется природой и обществом, то есть бесконечно развивающейся, совершенствующейся или деградирующей информационной системой». Далее выясняется, что «высшая форма информации

– совесть в качестве мерила нравственности и оправдания самого существования человека» (18, с. 91-92). Недостаток тезиса А.Н. Яковлева в том, что он не позволяет определить, что есть информация. Если информация – все существующее, значит, нет «неинформации», и распознать информацию невозможно, как нельзя обнаружить сухое место в массе воды.

Теологическую трактовку информации предложил основоположник информациологии Иван Иосифович Юзвизин: «Информация – всеобщая генеративная основа природы и общества; это универсальное генеративное поле Вселенной и универсальное начало всех начал; информация первична, материя вторична. Информация – универсальный генеративный ресурс Вселенной, безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира» (17, с. 587). Что есть «всеобщая генеративная основа природы и общества»? Что представляет собой первичное «начало всех начал», породившее материю? Как понимать «безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира»? Ответ очевиден: это Бог! В Библии написано: «В начале было Слово». В евангелии от Юзвизина написано: «В начале была Информация». Чему прикажете верить?

Информатики-материалисты, естественно, отрицают божественную сущность информации и ее бытование в качестве «совести, мерила нравственности и оправдания самого существования человека». Однако они не могут договориться, что есть информация в материально едином мире: вещь она, свойство или отношение? Если коммуникация – обмен информацией, то информация есть «вещь» (нельзя же обмениваться свойствами или отношениями). Если книга – источник информации, то информация «свойство» книги или в философском плане «атрибут материи». Если информация – мера уменьшения неопределенности, или способ измерения неоднородности распределения материи в пространстве и неравномерности протекания материальных процессов во времени, то она есть «отношение» между знанием и незнанием. Затруднительно представить информацию одновременно и вещью, и

свойством, и отношением. Затруднительно, но все-таки можно. Разрешите мне предложить универсальную дефиницию информации.

В своих предыдущих исследованиях, посвященных природе и сущности информации я пришел к выводу, что информация в сущности есть *средство выражения смыслов в форме коммуникабельных знаков* (11, с. 261). Дальнейшее изучение вопроса позволило уточнить, какое средство имеется в виду. Этим средством является *метафора*. Уточненное определение получило вид: ***Информация*** *есть метафора, выражающая смысл в форме коммуникабельных знаков*. Поясню значение понятия «метафора» в этом определении.

Метафора представляет собой не только, как гласит «Литературная энциклопедия», художественно-литературный троп «употребление слова в переносном значении; словосочетание, характеризующее данное явление путем перенесения на него признаков, присущих другому явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений)» (6, с. 233-234). Например: «Пчела из кельи восковой летит за данью полевой» (А. Пушкин). Метафора понимается как «фундаментальное свойство языка, не менее фундаментальное, чем, например, оппозиция элементов языка»(14, с. 229). В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления. В современной науке сложилась междисциплинарная философско-филологическая *теория метафоры*, рассматривающая феномен метафоричности в когнитивном, логическом, лингвистическом, стилистическом аспектах. В эту теорию внесли свой вклад Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикёр, Р. Якобсон и другие выдающиеся ученые разных стран (15). В современном гуманитарном знании отмечают «явную экспансию метафоры в разных видах научного дискурса» и достижение некоторыми зрительными метафорами (отражение, образ, зеркало) значения универсалий культуры (7, с. 50). Не без удивления я обнаружил, что в области информационно-коммуникативного дискурса экспансия метафоры «информация» достигла столь грандиозных масштабов, что информация приобрела статус общенаучной и даже философской категории. Как случилось это чудо?

Слово «информация» – неологизм для русского языка. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1881) оно отсутствует. Нет его в «Энциклопедическом словаре» Ф.Ф. Павленкова (1905), в других дореволюционных лексиконах и в первом издании Большой советской энциклопедии. В начале 1950-х годов, когда вышло в свет второе издание БСЭ, информация трактовалась как понятие журналистики, особый вид газетного жанра – сведения о новостях. В английском языке information понимается как новости (news), переданные сведения (knowledge communicated), любое знание, полученное по коммуникационному каналу. Здесь слово «информация» употребляется не в метафоричном (переносном) значении, а в своем *исходном значении* – «смысловое содержание социально-коммуникационного сообщения». Форма сообщения – вербальное, невербальное, письменное, кодированное или иное – значения не имеет. Важно, чтобы сообщение было информативно, то есть было не бессмысленным, и смысл его выражался коммуникабельными (понятными реципиенту) знаками.

В качестве метафоры «информация» используется тогда, когда нет ситуации социальной коммуникации, нет передаваемых сообщений или коммуникабельных знаков, но все-таки употребляется термин «информация». Приведу примеры информационных метафор.

1. Информация – это «снятая неопределенность», «выбор одного варианта из нескольких возможных», «мера разнообразия», «мера сложности структур», «мера организации» и т.п. Здесь речь идет не о коммуникационных процессах, а о создании новых смыслов, о познавательных процессах, которые можно назвать информацией лишь в метафорическом значении.

2. Информация – «обмен сигналами между техническими устройствами», «радиотехнические сигналы», «данные, обрабатываемые компьютерами», «сообщения, рассматриваемые как объект передачи, хранения и обработки», «триединство энергии, движения и массы» и проч. Метафоричность употребления исходного понятия информации в данном случае заключается в

том, что оно распространяется на техносферу, где практикуется не смысловая коммуникация между людьми, а техническая коммуникация между приемопередающими устройствами.

3. Информация в контексте философской теории отражения, трактуемая как «отраженное разнообразие» или «основное содержание отображения», есть метафора, заменяющая понятие «образ». На этом основании можно отнести к информации фотографии, живописные полотна, любые изображения, а также всю науку и искусство, поскольку все они отражают некое разнообразие Вселенной.

4. Метафоричны названия информационных учреждений. Так ВИНТИ окрестили «институтом научной информации», хотя фактически он является «институтом научной коммуникации», а научно-информационная деятельность есть не что иное, как «научно-коммуникационное обслуживание».

5. Трактовки информации в качестве «Бога – Демииурга вселенной», «непременной субстанции живой и неживой материи», «одного из первоначал мира» являются весьма искусственными метафорами, ибо они не имеют отношения ни к социальной коммуникации, ни к коммуникабельным знакам.

Приведенными примерами далеко не исчерпывается метафорика информации. Неисчерпаемым источником информационных метафор является *информационный методологический подход*, который получил широкое распространение в науке, да и в массовом общественном сознании. Суть методологии состоит в том, что именуются «информацией» те объективные или субъективные явления, которые творчески мыслящим исследователям *кажутся* соответствующими их интуитивному представлению об информации. В естественных и общественных науках имеет место *стихийное*, то есть неуправляемое и не регулируемое общепринятыми нормами, «информационное» терминотворчество. Болгарский академик Тодор Павлов еще в 1960-е годы не без удивления заметил: «Физиологи, психологи, социологи, экономисты, технологи, генетики, языковеды, эстеты и другие ищут и находят информацию почти во всех

органических, общественных и умственных процессах» (9, с. 16). Точно сказано: «Ищут и находят»! В результате появились десятки частнонаучных метафор информации, приспособленных к нуждам физиологии, психологии, социологии и других частных наук.

Важно подчеркнуть, что та или иная информационная сущность *не открывалась заново* учеными новаторами, а информацией *назывались* уже известные вещи, свойства, процессы. Например, последователи великого физиолога И.П. Павлова его знаменитые «сигнальные системы», служившие для раскрытия механизма условных рефлексов, стали именовать «информационными системами». Как справедливо заметил Р.С. Гиляревский, «слово «информация» стало настолько модным, что многие явления и процессы в природе, обществе и мышлении при самой отдаленной схожести с информацией называются её именем. А это, в свою очередь, порождает много заблуждений технократического толка» (1, с. 19).

Библиотечные теоретики в 80-е годы овладели информационным подходом (роль лидера сыграл В.В. Скворцов). Все библиотеки обрели статус информационного центра, выполняющего информационную функцию и удовлетворяющего информационные потребности своих пользователей. Библиотековедение заполнили метафоры, заимствованные из терминологии научной информатики. Каталоги и картотеки стали информационно-поисковыми системами, библиотечно-библиографические классификации и списки предметных рубрик – информационно-поисковыми языками, книги – источниками информации, читатели – потребителями информации, библиографические описания – библиографической информацией и т.д. Библиотековедение предстало в новом облике, открылись новые методологические горизонты, неизвестные ранее закономерности и межнаучные взаимосвязи. Было бы непростительным заблуждением думать, что информатизация библиотечного дела – это всего лишь маскарад с передеванием. Есть большие плюсы, но есть и минусы. Во всякой

информатизации присутствуют элементы маскарадности, потому что всякая метафора есть маскарадная маска. Поэтому важно рассмотреть то содержание, которое скрыто под маской. Обратимся к примерам.

Мы уже задавались вопросом, зачем информатизировать библиотечные учреждения, если они изначально являются информационными центрами? Здесь происходит столкновение двух информационных метафор: библиотечной (всякая библиотека – информационно-коммуникационный центр) и технократической (компьютер – источник информации). Аналогичная антиномия вокруг информационного общества объясняется теми же причинами. С одной стороны, всякое человеческое общество является информационным, потому что информация – это сведения. С другой – без информационной техники невозможно освоить новую ступень цивилизации, поэтому постиндустриальное общество правильнее именовать «цифровым» или «сетевым», хотя метафора «информационное общество» кажется более привлекательной.

Информационная потребность в «Библиотечной энциклопедии» определяется как «необходимость в информации, требующая удовлетворения и обычно выражаемая в информационном запросе, одно из центральных понятий информатики» (2). Удовлетворение информационных потребностей объявляется «одной из важнейших социальных функций библиотек» (3, с. 5). Библиотеки, библиографические службы, органы НТИ, ставящие своей конечной целью удовлетворение личных и общественных информационных потребностей, не могут достичь своей цели иначе, чем путем предоставления потребителям документов, содержащих запрошенные ими знания, художественные произведения, ценностные ориентации. Фактически они удовлетворяют познавательные, эстетические, регуляционные потребности своих читателей, метафорически обозначая эту деятельность как «удовлетворение информационных потребностей». Следовательно, «информационная потребность» – это абстрактная метафора, обобщающая конкретные потребности людей в достоверных знаниях, художественных фантазиях, эмоциональных

переживаниях, практических рекомендациях. Стратегия и тактика библиотечно-библиографического обслуживания должны быть ориентированы не на абстрактные информационные потребности, а на запросы в конкретных смыслах, образующих содержание семантической информации.

В заключение приведу метафорическое определение информации:

О, Информация, прекрасный псевдоним
Чего-то, что уму непостижимо.
В чем суть твоя? Ты пламя или дым?
А, может быть, всего лишь тень от дыма?

Теперь скажу без метафор. Изначально существуют смыслы – это пламя духа. Коммуникация есть движение смыслов в форме коммуникабельных знаков – это дым от пламени духа. Люди, восприняв коммуникационные сообщения, называют их информацией и обретают не пламя, не дым, а только тень от дыма. Поэтому информация – метафора коммуникационных процессов, в том числе и библиотечно-библиографической коммуникации. Отсюда следует, что в пределах библиотечно-библиографической сферы информация есть библиотечная метафора коммуникации. В метафоризации такого рода заключается суть информатизации библиотековедческой и библиографоведческой теории.

Список литературы

1. Гиляревский Р.С. Информационная культура в высшей школе // Науч.-техн. информация. Сер. 1. – М., 2007. – № 2. – С. 18–22.
2. Гиляревский Р.С., Гриханов Ю.А. Информационная потребность // Библиотечная энциклопедия. – М.: Пашков дом, 2007. – С. 419–420.
3. Дворкина М.Я. Библиотечное обслуживание: новая реальность: лекции. – М.: Изд-во МГУКИ; ИПО «Профиздат», 2000. – 46 с.
4. Информатика как наука об информации: Информационный, документальный, технологический, экономический, социальный и

организационный аспекты / под ред. Р.С. Гиляревского. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 592 с.

5. Концепция развития библиотек общеобразовательных учреждений Российской Федерации до 2015 года: Общественно-государственный проект / Русская школьная библиотечная ассоциация. – М.: РШБА, 2009. – 33 с.

6. Метафора // Литературная энциклопедия. Т. 7. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. – С. 233–234.

7. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. – 560 с.

8. Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа: учебное пособие для библиотечных факультетов /под ред. А.В. Соколова. – Л.: ЛГИК им. Н.К. Крупской, 1976. – 319 с.

9. Павлов Т. Информация, отражение, творчество. – М.: Наука, 1967. – 88 с.

10. Соколов А.В. Наука об информации и библиотекарь. – М.: Литера, 2010. – 144 с.

11. Соколов А.В. Философия информации. – СПб.: СПбГУКИ, 2010. – 368 с.

12. Соколов А., Манкевич А. Информатика для библиотекарей // Библиотекарь. – М., 1974. – № 9. – С. 58–61.

13. Соколов А.В., Манкевич А.И. Информатика в перспективе (к вопросу о классификации видов информации и системе наук коммуникационного цикла) // Науч.-техн. информация. Сер. 2. – М., 1971. – № 10. – С. 5–9.

14. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 334 с.

15. Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

16. Юдина И.Г. Информационная функция библиотеки в теории и практике библиотечного дела // Библиосфера. – Новосибирск, 2010. – № 3. – С. 59–63.

17. Юзвизин И.И. Основы информациологии: учебник. – М.: Высшая школа, 2001. – 596 с.

18. Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и реформация в России. – Ярославль, 1994. – 343 с.